

Обратите внимание на дату, стоящую в конце этой статьи: 17 — 20 июля 1988 г. 20 июля 1988 года Александра Ивановича Овчаренко не стало. Статья «О Несвоевременных мыслях» М. Горького, написанная им по просьбе «ЛГ», — последняя работа известного литературоведа, критика, доктора филологических наук, главного редактора академического Полного собрания сочинений М. Горького. Читая ее, еще острее осознаешь нелепость и несправедливость смерти, отнявшей у нас человека, находящегося в расцвете творческих сил, ученого, именно сейчас получившего возможность полной реализации замыслов, еще вчера казавшихся неосуществимыми...

О «НЕСВОЕВРЕМЕННЫХ МЫСЛЯХ» М. ГОРЬКОГО

Александр ОВЧАРЕНКО

ВРЕМЯ перестройки ознаменовывается в развитии нашей культуры переоценкой многих ценностей, пересмотром старых, подчас казавшихся забытыми, положений. Ничто нам не требуется сегодня в такой степени, как самое бережное обращение с документами, причем с документами, взятыми в их взаимосвязанности и связях со временем, их породившим, взятыми, как нынче говорят, «в контексте эпохи». Такой подход не дал бы возможности кое-кому из мнимых «прорабов перестройки» поднимать руку на классиков советской литературы, упрекая их в упрощенном изображении жизни, а иногда видя в некоторых из них чуть ли не столпов сталинского режима.

Уже не щадят Маяковского, Есенина, Шолохова. Жалкое место в сознании современного человека хотят отвести Горькому. Следует оговориться, что подчас не без вины горьковеды, замкнувших великого писателя XX века в узкие рамки, ограничившие общечеловеческое значение его произведений. Кажется, что уже в вину ему ставится то, что его творчество было согрето верой в чистоту и правду идеалов социализма. Будто не история распорядилась так, что эти идеалы оказались более далеки от своего осуществления, чем это было предусмотрено мыслителями конца XIX — начала XX века.

Отсюда несколько скептическое отношение современного интеллигента к автору повести «Мать». Отсюда же и возникает нежелание более глубоко ознакомиться с его творчеством.

Между тем давно пришло время заново прочитать Горького, дать подлинно научное истолкование его наследия, не обходя «предусмотрительно» и того, что до недавнего времени именовали ошибками, досадными оговорками, описками, сбоями в жизни и творчестве великого писателя. Их не следует превращать в новоявленные достоинства, как уже начинают делать некоторые торопливые авторы, быстрее всех откликающиеся на перестройку и в этой области. Но от «чистой» правды, пусть и негативной, что скрывается за так называемыми «ошибками» и «изгибами» Горького, отмахиваться не нужно.

Давно ждут своего истолкования «Несвоевременные мысли» — публицистический произведение Горького, печатавшиеся с апреля 1917 по июль 1918 года в газете «Новая жизнь». Долгое время не только толковали статьи из этого цикла, но и упоминали их в одной большой статье. Этот цикл статей — своеобразная летопись революции, дневник (естественно, очень субъективный) перестройки буржуазно-демократической революции в социалистическую. Я не принадлежу к тем метеорам перестройки, что готовы в отношении к Горькому сменить все плюсы на минусы и, наоборот, готовы объявить те же «Несвоевременные мысли» чуть ли не самым главным в творчестве великого писателя. Но я не могу не сказать, что Горький, который некоторые наши современники готовы изобразить охранителем и чуть ли не певцом сталинского культа, предстает в этой книге фигурой трагической в своей любви к России и в постоянной боли за нее. Его «Мысли» становятся в один ряд с такими когда-то шельмувавшимися произведениями, как «Выбранные места из переписки с друзьями» Гоголя и «Дневник писателя» Достоевского. Именно «Несвоевременные мысли» показывают, что Горький видел революцию со всей ее сложностью, жестокостью, безумством братоубийственной войны, а вместе с тем и робко брезжащей надеждой на рождение государства добра и справедливости.

Можно считать, что в «Несвоевременных мыслях» уже заложены начала различных линий правдивого отражения развития революции в России. Это и трагический «Тихий Дон», и не скрывающий действительной сложности русской революции произведение Дорohoва, Забужинина, Бабеля, Тарасова-Родионова, Артема Веселого, Вячеслава Шишкова. А также «Чевенгур» Платонова, «Доктор Живаго» Пастернака.

Да, автор «Несвоевременных мыслей» не всегда правильно воспринимал происходящее. Но с этих не понятых своим временем страниц Горький встает перед нами в полный рост, величественный в своем страдании, бесстрашный в своей борьбе, трагический в своих заблуждениях.

Революция предполагает свободу слова, свободу печати. Горький уделяет постоянное внимание вопросу гласности, используя ее возможности в полной мере и подвываясь за это постоянным угрозам, вплоть до угрозы убийства. Бесстрашие его основано на глубоком убеждении, что «свободная пресса должна быть развита в себе чувство уважения к личности», избегать «личных выпадов в полевике».

Понимание Горьким гласности как свободы слова, а не «свободы искажения правды», «свободы клеветы» отличается ответственностью заботой о духовном здоровье нации. Он с презрением отвергает заигрывание с обывателем, стремление потратить его кулакам и интересам. Писателя волнуют кардинальные социальные проблемы своего времени, волнуют судьбы революции и народа. Поэтому он с горечью говорил о «каких-то бесстыдных», которые в первые дни революции «выбросили на улицу кучи грязных брошюр... из привидной жизни», возбуждая в людях «все темные инстинкты», о неумении русской прессы пользоваться свободой слова. Он размышлял о том, что «нет толковой, объективно-поучающей книги, и расплодилось множество газет, которые изо дня в день поучают людей

вражде и ненависти друг ко другу, клеветуют, возятся в пошлейшей грязи, режут и скрежещут зубами, якобы работая над решением вопроса о том — кто виноват в разрыве России?.. «Свободное слово» постепенно становится неприличным словом» (31 мая/13 июня 1917 г.).

29 июня/12 июля 1917 г., опять же размышляя о педагогическом значении «свободного слова», Горький задает вопрос: «А не захлебнемся ли мы в грязи, которую так усердно разводим?».

Но он отвергает и демагогическую практику Зиновьева, утверждавшего, что «осуждая теоретически народом факты жестокости, грубости и т. п.», Горький тем самым «четет пятки буржуазии» (статья от 9 апреля/27 марта 1918 г.), считая, что такая демагогия может только развратить рабочих.

Горький, используя гласность, не боялся говорить то, что он считал правдой, и о ходе революции, и о ее вождях, и даже о самом народе. Безоговорочно осудив монархию, заявив, что «наследство, оставленное революцией монархией, — ужасно», Горький связал с революцией надежды на завершение ненавистной войны, уничтожение насилия над личностью, строительство новой культуры. Однако в «Несвоевременных мыслях» Горький утверждает: при данных условиях социалистическая революция в России преждевременна, гибельна для рабочего класса и передовой интеллигенции, обреченных на уничтожение средствами подготовленной к социальному переустройству жизни крестьянской стихии. «В современных условиях русской жизни», — писал он, — нет места для социальной революции, ибо нельзя же по шутке велению сделать социалистами 85% крестьянского населения страны, среди которого несколько десятков миллионов инородцев-«очевников». Он считал, что социалистической революции должен предшествовать период культурного строительства, создание условий для духовного возрождения народа, «развития интеллектуальных сил страны».

Исходя из этого, он не соглашался с теми, кто путь к возрождению видел в углублении и расширении русской революции, в подеме ее на следующий этап развития. В этом споре главным оппонентом Горького был В. И. Ленин. Спор двух великих людей эпохи, на стороне одного из которых было всеостороннее знание повседневной жизни России, а на стороне другого еще и беспримерная сила научного предвидения, достиг критической точки в решающие дни Октябрьской революции и был разрешен в пользу Горького. Но, надо признать, нашему народу дорого обошлось то, что не все позитивные уроки для революции были извлечены из смнений и колебаний Горького, порожденных сомнениями и колебаниями целых слоев народа на крутом историческом повороте. Писатель мучительно переживал свое расхождение с основными направлениями социал-демократической мысли. Трагедия «несвоевременности» обобщается самим писателем в статье «О полемике» (25 апреля/8 мая 1917 г.): «Уже 17 лет я считаю себя социал-демократом, по мере сил моих служил великим задачам этой партии, не отказывая в услугах и другим партиям, не брезгая никаким живым делом. Люди, которые деревенют и каменют под давлением веры, исповедуемой ими, никогда не пользовались моими симпатиями. Я могу теоретически любоваться силой строгой выдержанностью, но я не умею любить их».

Скажу более: я считаю себя везде еретиком. В моих политических взглядах, вероятно, найдется немало противоречий, примирить которые не могу и не хочу, ибо чувствую, что для гармонии в душе моей, — для моего духовного покоя и уюта, — я должен смертью убить именно ту часть моей души, которая наиболее страстно и мучительно любит живого, грешного и — простите — жалкого русского человека».

Настало время разобраться в этих не-

примиримых противоречиях и отметить не только политические ошибки писателя, но и глубокое гуманистическое содержание его «Мыслей», его тревогу за судьбы народа и отношения многих аспектов нашей истории. Пора прикоснуться к великой трагедии Человека, всю жизнь мечтавшего о социализме и в момент его приближения по-русски усомнившегося в необходимости гармонии, оплаченной слезинкой хотя бы одного замученного ребенка. Это тем более необходимо, что «ополчование», «разногласия», «полемика», спор с ленинской гвардией в 1917 году не уводили и не увели писателя от революции, а, наоборот, вели к более трезвому, более реалистическому пониманию ее задач и подстерегающих ее опасностей, к открытому определению обязанностей вождя революции перед народом, в частности в деле воспитания его в духе подлинной демократии, свободы, гласности, умения пользоваться их сильными сторонами и избегать ошибок, правильного соотношения прав и обязанностей личности.

Горький прощупывает пульс революции, осмелевая множество событий и конкретных фактов ее. Неточность в определении тех или иных из них объясняется тем, что он не всегда учитывал все взаимодействия и связи, аналогии и опосредования. Иные факты вырывались им из общего контекста действительности, давались вразброд, без учета всей картины происходящего, что свидетельствовало и об определенном отрыве писателя на данном этапе революции от наиболее действенных сил ее. И все же, читая «Несвоевременные мысли», нельзя не ощутить, как художникское провидение великого писателя охватывало многое, что важно было не только для того времени, а для всех времен. Подчас входя в противоречие с текущей жизнью, с ходом революции, Горький предостерегал вождя революции от «состояния запальчивости и раздражения», жажды «обличительства», ошибок, которые могут повлечь за собой непредвиденные последствия.

Можно вспомнить, что серия статей Горького охватывает непродолжительный период революции, когда еще не было достаточно опыта у ее деятелей, но в том-то и дело, что он считал невозможным, губительным допущение каких бы то ни было ошибок вообще с самого начала революции.

Для Горького разумный и правильный ход революции немислим без присутствующего ей с первых шагов строительства культуры, основой которой является, по его мнению, уважение к личности, поправной — в деревенной России. «Великое счастье свободы не должно быть омрачено преступлениями против личности, иначе — мы ущемим свободу совести же руками». Или: «Если не способны, если не можем отказаться от грубейших насилий над человеком — у нас нет свободы».

Другой истопастью культуры для великого писателя на протяжении всей его жизни был труд. Через все «Несвоевременные мысли» проходит забота о воспитании уважения к труду и горечи от пока не осуществляемой революцией перестройки человека в его отношении к труду: «Наше спасение — в труде, да найдем мы и наслаждение в труде». Или: «Мир создан не словом, а деянием, это прекрасно сказано, и это неоспоримая истина».

И еще: «Я издавна чувствую себя живущим в стране, где огромное большинство населения — болтуны и бездельники и вся работа моей жизни сводится, по существу, к возбуждению в людях деятельности».

Или: «Всем мало-мальски трудоспособным людям необходимо взяться за черную, будничную работу строительства новой жизни...»

Писатель с горечью замечал, что «все дурное, что есть в человеке... особенно ярко и богато разрастается именно на почве политической борьбы» (20 апреля/3 мая 1917 г.). Это, безусловно, спорное и опровергнутое художественным творчеством самого Горького утверждение вызвано страшными картинами насилия, вошедшими в русскую жизнь вместе с первой мировой войной и революцией. Горьковские описания разрушенных деревень, оскорбленных женщин и погибших детей, замученных жертв истории сопоставлены с «Предчувствием гражданской войны» Сальвадора Дали.

С болью в сердце видел писатель, как к революции примазывались любители поживиться за счет ее, козыряющие своим происхождением и примитивной понятной идеей о всеобщем равенстве. 2/15 мая 1917 г. он протестует против отправки в окопы сорока трех артистов, «культурно-ценных людей», позднее он рассказывает, как гибнут от голода те, кто предстает культурные силы страны: «И с — чем мы будем жить, израсходовав свой лучший мозг?».

С революционным развитием культуры он связывал организацию в стране технической развитой промышленности, основанной на научном фундаменте, способной «великую и обильную» страну с ее естественными богатствами вырвать из положения, когда «развитые страны смотрят на Россию, как на Африку». Именно поэтому через весь цикл статей проходит мысль об определяющем значении науки для общества. Писатель с радостью отмечает первые ростки науки после революции.

В этих статьях Горький продолжает свою великую миссию борьбы за охрану и построение культуры, которой он отдал всю свою жизнь. Он первым забил в колокола, видя нависавшее расхищение художественных национальных ценностей как русскими, так и иностранными поклонниками лозунга «Греть награбленной». Он сообщил о 20 миллионах долларов, предназначенных Америкой для покупки «национальных сокровищ России», прекрасных цветов ее художественного творчества, требуя издания акта о запрете экспорта их из страны, о запрете распродажи частных коллекций.

Политическую остроту выступлениям Горького придает его непримиримость к анархии, насилию, погромам и грабежам, несправедливым арестам, к власти толпы: «хлама людского», к взаимному уничтожению людей. Он боится «поголовного истребления несогласномыслящих», боится того, что «не слишком ли легко вы бросаете в лиха друг друга все эти древние обвинения в предательстве, измене, — нравственном шатании?».

Он отдается «обличительству», нападает почти на каждое мероприятие «правительственных народных комиссаров», хотя известно, что с самого начала революционных событий в России большевики боролись с анархией, самосудами, разрушением культурных ценностей. Понимая, что ни одно серьезное движение масс в истории не проходило без «кассетов», Горький все же, опираясь на конкретные факты, по-видимому, не раз имел основания обвинять большевиков в попустительстве «анархии».

В течение нескольких месяцев внимания писателя по преимуществу сосредоточилось на отрицательных сторонах развития революции. Вначале он почти не видит ее грандиозных взлетов, ее колоссальной созидательной работы, хотя где-то подспудно чуть светится надежда и вера в дело революции, все отчетливее проявляясь в последних статьях цикла. Очень сложным было отношение Горького к Ленину и его сподвижникам. 10/23 ноября 1917 г. в одной из самых резких статей «Вниманию рабочих», давая отрицательную характеристику большевикам, Горький, несмотря на то, что и к Ленину в то время относился критически, считает нужным оговориться: «Сам

подобные заявления, если они были, а то и просто слухи».

Горький в статье от 6 июня/24 мая 1918 г. рассуждает о двух типах революционеров: о вечном революционере и революционере на время, на сей день. Характеристика «вечного революционера» напоминает слова Сатина о Человеке и гимн Человеку из одноименной горьковской поэмы. Отдавая должное идеалу «вечных революционеров», которых на земле было не так уж много, Горький развенчивает «революционеров на время». Весьма возможно, что за этой характеристикой стоят конкретные лица, он и называет их, когда речь заходит о Троцком, Зиновьеве. Но мировая история не скупилась на подобных революционеров, послылав их странам и народам от Троцкого и Сталина до Пол Пота.

«Революционер на время. Для его дня, — человек, с болезненной остротой чувствительный социальные обиды и оскорбления — страдания, наносимые людьми. Принимая в разум впускаемые временем революционные идеи, он, по всему строю чувствования своих, остается консервативом, являя собой печальное, часто трагическое зрелище существа, пришедшего в люди как бы нарочно для того, чтобы исказить, опочить, низвести до смешного, пошлого и нелепого культурное, гуманитарное, общечеловеческое содержание революционных идей».

Он прежде всего обижен за себя, за то, что не талантлив, не силен, за то, что его оскорбляли, даже за то, что некогда он сидел в тюрьме, был в ссылке, алачл тягостное существование эмигранта... Люди для него — материал, более удобный, как менее он одухотворен. Если же степень личного и социального самосознания человека возмущается до протеста против чисто внешней, формальной революционности, революционер сего дня, не стесняясь, угрожает протестантам карами, как это делали и делают многие представители очерченного типа».

Остается только удивляться глубине политического предвидения Горького и способности пережить трагедию Человека, никогда не ставившего под сомнение социалистический идеал, всегда считавшего сознательного рабочего «аристократом демократии» и вынужденного обратиться с предостережением к людям, готовым превратить Россию в оплотное поле.

Грустно читать его размышление об отношении России к Европе (16/3 марта 1918 г.): «Вожди народа» не скрывают своего намерения зажечь из сырых русских поленев костер, огонь которого осветит бы западный мир, тот мир, где огонь социального творчества горит более ярко и разумно, чем у нас, на Руси... А западный мир суров и недоверчив, он совершенно лишен сентиментализма. В этом мире дело оценки человека стоит очень просто: вы любите, вы умеете работать? Если так — вы человек, необходимый миру, вы именно тот человек, силою которого творится все ценное и прекрасное... А так как россияне работают не любят и не умеют и западноевропейский мир это их свойство знает очень хорошо, то — нам будет очень худо, хуже, чем мы ожидаем».

Есть у Горького много несправедливых оценок деятельности руководителей революции, отдельных исторических событий, роли большевиков. В статье «Нельзя молчать» автор в определении сил большевиков очень далек от правды. О революционном авангарде говорится так, словно после июльских дней не было ни полумиллионной всеобщей забастовки в Москве, ни разгрома петроградского пролетариата, ни коринишны, ни давших подавляющий перевес большевикам перевыборов Петроградского и Московского Советов рабочих и солдатских депутатов. Вообще при чтении ряда заметок Горького остается впечатление об отражении революции в ее фрагментах при не всегда удачном воссоздании ее целостной картины.

Особая грань «Несвоевременных мыслей» — это рассуждения Горького о рус-

ском народе. Он никогда не заискивал перед своим народом, а, будучи плоть от плоти его, считал себя вправе смело говорить обо всех «исторических грехах» его.

Как в художественном изображении, так и в публицистической оценке Горького русский народ отличается большей сложностью и противоречивостью, чем даже у Толстого, Достоевского, Чехова, и выступает в более объективном освещении. Сердце художника обливалось кровью от сознания того, что его народ в силу исторических причин не выработал органической любви к труду, умения доводить начатое дело до конца, что его национальная психика неустойчива. Писатель сказал немало горьких слов о своем народе. Опровергнуть их могло только время. Находя объективные причины многому из отрицательного, писатель не снимал вины с самого народа:

«Бесспорно, что Русь воспитывали и воспитывают педагоги, политически еще более бездарные, чем наш рядовой обыватель. Неоспоримо, что всякая наша попытка к самостоятельности встречала уродливое сопротивление власти, болезненно самолюбивой и занятой исключительно охраной своего положения в стране. Все это — бесспорно, однако следует, не боясь правды, сказать, что и нас похвалить не за что. Где, когда и в чем за последние годы неустойчив издевательств над русским обществом в его целом, — над его разумом, волей, совестью, — в чем и как обнаружило общество свое сопротивление злым и темным силам жизни? Как сказало его гражданское самосознание, зулгански отрицаемое всеми, кому была дана власть на это отрицание? И в чем, кроме красноречия и эпитамов, выразилось наше оскорбленное чувство собственного достоинства?»

Немного позже, заявляя, что он никогда не был демагогом и не будет им, Горький, обвиняя жестокие условия, по вине которых народ не мог быть иным, добавлял: «И надо удивляться, что при всех этих условиях, народ все-таки сохранил в себе немало человеческих чувств и некоторое количество здорового разума».

В некогда оальной горьковской книге затрагивается и крестьянский вопрос. Есть здесь полные извечного недоверия строки о русской деревне, якобы «органически враждебной психике, идеям и целям городского пролетариата», о «младше-важких объятиях» русского крестьянства, от которых может зареветь рабочий класс (записи от 9 апреля/27 марта 1918 г.). Подобное мнение вызывает тем большее сожаление, что судьба русского крестьянства оказалась в дальнейшем намного более трагичной, чем судьба пролетариата. Но здесь же с участием и печалью он говорит о необходимости помочь деревне, живущей в ужасных условиях.

Противоречия его мысли и чувства особенно выявились в этой беспощадной критике своего народа и безоглядной любви к нему: «Да, я мучительно и тревожно люблю Россию, люблю русский народ». Говоря о недостатках русского народа, он хорошо знал и о его огромных достоинствах.

Не обошел Горький и национальные проблемы, в том числе так называемый «еврейский вопрос».

Горький не боялся затрагивать самые болезненные аспекты жизни не только в «Несвоевременных мыслях», но и в письмах и других своих выступлениях. Он упорно твердил, осуждая любые проявления национализма, в том числе и антисемитизм, что «нигде не требуется столько такта и морального чутья», как в отношении русских к другим народам, населяющим бывшую Российскую империю, и, наоборот, этих народов к явлениям русской жизни. Думается, что эта строгая объективность, эта мысль своевременна и в наши дни.

Уже с конца 1917 года все больше появлялись в статьях Горького тема рождения Новой России — «эти дни чудовищных противоречий рождает Новая Россия» (31 декабря/13 января 1918 г.), с которой возникает оптимистическая перспектива в его публицистике. 26/13 мая 1918 г. он обращается к матерям России, надеясь, что именно женщинам суждено смгичать жестокости русской жизни и понять, что рождение нового общества так же, как и рождение человека, неизбежно сопровождается муками.

«Большевики? — спрашивает писатель. — Представьте себе, — ведь это тоже люди, как все мы, они рождены женщинами, звериного в них не больше, чем в каждом из нас. Лучшие из них — превосходящие люди, которыми со временем будет гордиться русская история, а ваши дети, внуки будут и восхищаться их энергией... большевики уже оказали русскому народу огромную услугу, сдвинув всю его массу с мертвой точки и возбудив в ней массу активного отношения к действительности, отношение, без которого наша страна погибла бы».

Она не погибнет теперь, ибо народ — ожил и в нем зреют новые силы, для которых не страшны ни безумия политических новаторов, слишком фанатизированных, ни жадность иностранных грабителей, слишком уверенных в своей непобедимости».

В заключение следует сказать, что Горькому была близка тютчевская мысль: «Блажен, кто посетил сей мир в его минуты роковые». Вместе со своей страной писатель пережил трагедию, ибо крушение вековых жизненных устоев не может не быть отмечено чертами трагедийности. Но эта трагедия причиняла ему не только страдания. Вместе со всем народом он очутился в огне революции и приобщался к самым возвышенным чувствам, ибо «трагедия наиболее возбуждает чувство, пафос трагедии наиболее легко вызывает человека из грязных сетей быта, наконец, трагедия гуманизрует. Лицемерное трагического не может не поднять восприимчивого зрителя над хаосом будничного... подвиги героев трагедии являют собой зрелище исключительное, праздничное зрелище игры великих сил человека против его судьбы» (4 июня/22 мая 1918 г.).

«Несвоевременные мысли» позволяют нам лучше увидеть Горького — трибуна, проповедника и старателя земли русской и придать его образу дополнительные величие.

Придет время — и заново перечитают все созданное великим писателем, не исключая и 20 тысяч его писем (и примерно 50 тысяч писем от его читателей), рассмотрят конкретно каждый микрореалмент, не скрывая ничего из творческой вселенной Горького.

17—20 июля 1988 г.